

ВЫ, КОНЕЧНО, любите театр. Вы с удовольствием приходите сюда. Вам нравятся, расположившись поудобней в кресле, попасть в атмосферу увлекательного действия. Нравится думать и переживать. Что бы стоило без этого театр! Без напряжения эмоций, без работы мысли, без того необычного чувства душевного восторга, которое появляется лишь от соприкосновения с прекрасным. Ощущение от встречи с ним не исчезает долго. Ведь наш театр учит добро.

А сейчас вы благодарно вместе со всеми, кто в зале, аплодируете артистам. Открывается и закрывается занавес, и они, не сняв грима, еще не выключившись из роли, раскланиваются со зрителями. Они заслужили похвалу, самоотверженные труженики сцены, для кого искусство — жизненное призвание.

Театр — творчество многих людей. И если уж говорить о зрительской признательности, то, может быть, прежде всего она должна быть отнесена к человеку, который объединил всех этих людей, увлек за собой, сделал одержимыми. Чтобы всем вместе вдохнуть в пьесу жизнь, сотворить спектакль таким, каким он есть, каким увидел его сегодня ты. Мы встречаемся с этим человеком. Но это бывает редко, в день премьеры, когда после спектакля в зале вспыхивает свет и артисты приглашают его на авансцену, чтобы на публике не только воздать ему должное, но и вместе с ним разделить радость успеха.

Я имею в виду режиссера. Четыре года на афишах Рыбинского драматического театра значится — главный режиссер Владимир Саранчук.

Припоминаю первые наши встречи, беседы с ним. Он только начинал работать. Понятны были его волнение, та внутренняя сосредоточенность, без которой немисливо любое сколько-нибудь серьезное дело. Владимир Михайлович держал тогда своего рода экзамен. Как художественный руководитель он должен был пройти процесс самоутверждения. Чтобы актеры поверили в него, его творческие возможности, умение работать горячо, по-настоящему. Он знал о повышенной пристрастности окружающих в оценке его действий, самых первых шагов. Тем более, в театре работал не один режиссер. В коллективе сложились свои традиции, привычки, свои пристрастия — во всем. Режиссер как камертон. Он в первую очередь причастен к идейно-эстетической позиции театра.

В наших беседах речь как раз шла о мере ответственности режиссера. Высокой мере! И мне всегда казалось: уже одно это само по себе примечательно. Постоянная самооценка

своего труда, соразмерности его результатов с большими задачами, стоящими перед театром, — свидетельство неравнодушного человека, его искренней заинтересованности в том, чтобы все было хорошо. Пожалуй, в этом зерно, содержание режиссерской профессии — быть вечно неудовлетворенным, стремиться к большему. Плохо, если вслед за Фаустом художник скажет: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!». Подлинное искусство не терпит останова, малейшего довольства. Оно — вечное движение, как сама жизнь.

В самом деле, — развивал свои мысли Владимир Михайлович. — Жизнь — это постоянные перемены явлений, ритмов, уровня знаний...

А мне припомнились и другие его высказывания. О театре — коллективном единомышленнике, о необходимости гражданской ответственности искусства, о социалистическом реализме — основополагающем методе сценического творчества, об индивидуальности актера, которую надлежит ценить и бережно развивать, о современности — основной сфере художественных исканий.

Умные, внимательные глаза, энергичная манера разговаривать, какая-то доверительность и аргументированность суждений. Человек знает, чего он хочет. И это не может не импонировать, не вызывать к нему уважения.

Тем более в устах Владимира Михайловича это не декларация. Теорию можно вычитать по учебнику, но вот сделать ее своим убеждением и главное — воплотить на практике — это другое, это гораздо большее. Без этого самые высокие слова теряют цену. А он имеет моральное право так говорить о нашем искусстве, с его принципами коммунистической идеологии, партийности.

УЖЕ ПЕРВЫЙ дебют — спектакль по пьесе И. Попова и А. Степанова «Порт-Артур», поставленный Владимиром Саранчуком, стал событием культурной жизни Рыбинска. Он поднимал важные проблемы патриотизма, сыновней любви к Родине. Серьезная заявка на творческую состоятельность.

И все-таки то было начало. В реализации своих взглядов, замыслов. Начало самостоятельной работы сравнительно молодого главного режиссера — Владимиру Михайловичу тридцать три года, — работы, которой предстояло и предостигать еще в будущем оплодотворяться практическим опытом.

Пройдет еще некоторое время, появятся новые спектакли — не один и не два, прежде чем в театре составят о художественном руководителе определенное мнение. Как режиссеру, постановщику и просто как о человеку. В него повери-

ОЧЕРК

ли. Приобретен авторитет, без которого режиссеру в театре невозможно. «Мыслящий, современный режиссер умеет убедить актера, повести за собой», — характеризует Владимира Михайловича заслуженный артист республики Евгений Тимофеев. «Есть в нем завидная целеустремленность, желание работать с нами. Он дает возможность артисту думать, пробовать роль самому», — говорит артист Николай Захаров. А вот как отзывается о Саранчуке артист Юрий Юров, более двадцати лет проработавший в театре: «На мой взгляд, он хорошо чувствует пьесу, ее образный строй. Понимает актера, требует от нас не просто работы, а работы самостоятельной, творческой».

А сам он, режиссер? Творчество для него — смысл жизни. Владимир Михайлович хорошо запомнил любимое выражение своего первого учителя по Днепротровскому театральному училищу народного артиста Украинской ССР Ильи Кобринского: «Над вымыслом слезами обольюсь». Опытный педагог часто цитировал эти пушкинские строки своим питомцам, настраивая их на очень трудную работу, где нельзя рассчитывать на легкий успех, подчеркивая, что ради искусства можно и безумно радоваться, и плакать, и страдать. Оно всегда проходит через сердце.

Работая над «Порт-Артуром», сколько раз Владимир Михайлович мысленно обращался к событиям тех дней! Воображение рисовало горячие баталии, исполненные мужества и стойкости. Сцены в доме Стесселя, где царскими приспешниками продавалась Россия, интересы народа. Мысль работала напряженно. Будто живые, вставали перед ним Борейко, солдаты Терешкин, Блохин, по прозвищу Влоха... Да, конечно. Именно они дают ключ к его режиссерскому прочтению пьесы, выявлению ее социального содержания. Он глубоко симпатизировал этим людям: на их стороне правда, за ними будущее. Вот она, основная сверхзадача. Вот где нужно расставить акценты, чтобы придать спектаклю нужный смысл, чтобы история была не просто историей, а работала на сегодняшний день.

Не так-то просто прийти к окончательным выводам. Он упорно, неустанно искал ответы на возникавшие перед ним вопросы — во время репетиций, неизбежных переходов от дома до театра и обратно. Да, кажется, так... Исследовать проблему патриотизма. Пьеса дает материал для этого. С одной стороны, патриотизм ложный,

С Л О В О

мнимый, основанный на корысти, сущность которого антигуманна, бесчеловечна. А с другой — подлинный, настоящий. Где его истоки? Они в беспредельной любви к Родине, наивысшей способности к самопожертвованию ради нее. Этот патриотизм живет в народе. Он связан с идеалами социального обновления жизни. Терешкин... Бывший петербургский рабочий... Распространяет среди солдат прокламации. Уже в этом угадывается дыхание грядущей революции. Безропотный, придавленный обстоятельствами жизни Блохин, вдруг обретающий человеческое достоинство, увидевший, где она, истинная правда, ради которой ничто не страшно, даже смерть, и которая дает крепкую веру, удивительную нравственную силу. Борейко... Россия для них — не отвлеченное понятие. Во имя ее, ее лучшей судьбы они становятся героями.

Рассуждая так, фиксируя внимание на самом существенном, Владимир Михайлович постепенно нащупывал образный строй спектакля, его ритмику, эпическую форму повествования. Массовые сцены, где каждый индивидуален... Страшно важно! А что, если солдаты поют в спектакле «Муж крутых бережков»? Это хорошо. Говорят о Волге, о своем доме, о ненавистной войне за «царя и отечество» и желанном мире. Видится, как растет их классовое самосознание...

Поиски режиссера — поиски актеров. Он поверял им свои мысли, сомнения, прислушивался к их советам. Замысел шлифовался общей коллективной мыслью, подкреплялся профессиональным опытом режиссера и исполнителей, прежде чем вылиться в окончательное художественное решение, стать спектаклем. Они добивались, чтобы идея его, словно удар кресала, зажгала искру воодушевления в людях, заполняющих зрительный зал. Чтобы она стала частичей их сознательного бытия...

Предельная самоотдача! Она не только в работе над «Порт-Артуром». Она всегда.

ОНИ ВЫШЛИ из театра на притихший вечерний проспект. Не сговариваясь, повернули к Волге. Она встретила их тихим всплеском волны, накатывающейся на берег, прохладной свежестью.

Хорошо! — вдохнули глубоко, любуясь привольем матово-серебристого простора, над которым, будто на невидимых нитях, повисли яркие мигающие звезды.

А ведь верно кто-то сказал: театр должен начинаться с мысли и превращаться в мысль.

О РЕЖИССЕРЕ

— Пожалуйста, пощади, Володя! Хотя сейчас передохнем немного.

Владимир Михайлович улыбнулся, глядя, как Евгений Тимофеев сложил умоляюще руки.

И сегодня, как и вчера, они много репетировали, но, несмотря на усталость, мысль, разогретая, пущенная в ход, не остывала, неотступно сосредоточивалась на одном.

Понимаешь, — заговорил Саранчук. — Твой Годун не герой-резоонер. Боже упаси представить его таким. Тогда, пиши, все пропало. Он простой мужик, если хочешь, от земли. Помнишь Терешкина, Блохина из «Порт-Артура». Так вот он — человек той среды. Но между ними огромная разница.

— Другое время...

— Не только это, Женя. Он человек другого сознания, глубоко осознанный, где его место в жизни, на какой стороне баррикад. Революция дала выход дремавшим в нем душевным силам, пробудила созидательное начало, позвала к активному действию. Бойцовский темперамент, страстная бескомпромиссная партийность. Бурная динамика характера, убеждающая логика его развития, психологическая наполненность образа — вот что требуется от актера От тебя... матрос Годун. Постарайся, а?

— Хорошо. С твоей помощью.

Оба замолчали, вслушиваясь в ровную тишину, изредка прерываемую глухими сигналами проплывающих мимо судов; они и в поздний час не желали уходить на покой.

— А знаешь, — снова нарушил молчание Владимир Михайлович. — Я абсолютно убежден: настоящая личность формируется только тогда, когда у человека есть высокая цель. И об этом театр своим искусством должен напоминать постоянно.

Спектакль «Разлом» по пьесе В. Лаврентева завоевал зрительское признание. Точно так же, как другие работы Владимира Саранчука — «Чрезвычайный посол» А. и П. Тур, «Дело, которому ты служишь» по роману Ю. Германа, «Семья» Попова... Тема человека — героического, открытого светлой мечтой, умеющего постоять за свои убеждения — как бы получала свое развитие, обретала цельность, обогащалась новым содержанием. Постепенно складывался репертуар, направленный на раскрытие положительного идеала, большого идейно-нравственного примера. Зрителей радовали встречи с Кольцовой (артист-

ка В. Яковлева), Устименко (артист В. Измайлов), Володей Ульяновым (артист Н. Захаров).

...После спектакля они встретились с артистами.

— Мы студенты из Ярославского медицинского, будущие врачи, — объясняли они. — Специально приехали сюда к вам на «Дело, которому ты служишь».

Они долго и заинтересованно говорили о только что увиденном спектакле, об исполнителях, об Устименко — враче по профессии и человеке высокого гражданского и партийного долга.

— Мы увидели настоящего героя. Он во многом образец для нас, молодежи. Более близкое знакомство с ним поможет нам в практической работе. Большое спасибо за интересный, нужный спектакль...

ЭТО ОЧЕНЬ ответственно — говорить современникам о современности, ставить в творчестве проблемы, созвучные времени. Нужно не только профессиональное мастерство, но и обостренное восприятие действительности, понимание ее ведущих тенденций. Необходима социальная классовая зоркость. Правда жизни, правда искусства не терпит фальши, расчетливой трансформации драматургического материала, текста роли.

— Однажды слышали об этом актеры от своего главного режиссера.

— В театре надо волноваться. — Не устает повторять Владимир Михайлович и на репетициях, и в личных беседах. — Нужно много знать, обладать гражданскими качествами и — волноваться!

...Они не часто выпадают, эти свободные часы. Их даже приходится урывать ото сна. Что поделаешь, не усмирять же в себе буйную страсть к чтению. Страсть, которая зародилась в детстве. Училище, потом Киевский театральный институт — режиссерское отделение, куда его рекомендовали в числе лучших выпускников училища. Работа в Артемовске, Николаеве, Благовещенске. Первые самостоятельные режиссерские опыты. Рыбинск, где впервые в качестве главного. И все это время — книги, книги, книги. Чехов, Толстой, Горький, Шевченко, Крапивницкий, Леся Украинка... Труды Маркса, Ленина... Литература по эстетике, истории театра... Как много нужно вобрать в себя, какая это удивительно хорошая жадность!

Владимир Михайлович окинул взглядом переплеты книг, аккуратно расставленных на

полках, подошел к окну, за которым затаил вступающий в ночь город. Улыбнулся. «Скажите, пожалуйста, как вы стали режиссером?» — спросили его во время лекции «Роль театра в коммунистическом воспитании трудящихся», которую он только что читал в заводском Дворце культуры.

Владимир Михайлович рассказывал о работе театра, о восемнадцати спектаклях, которыми он дал сценическую жизнь здесь, в Рыбинске, в числе которых и русская классика — «Бесприданница» Островского, «Последние» Горького, спектакль, отмеченный дипломом первой степени на зональном смотре, посвященном 100-летию со дня рождения великого пролетарского писателя.

...Как стал режиссером? Трудно ответить однозначно. С чего все началось? Наверное, с песен, которые любила петь мать Анастасия Григорьевна. Он слушал ее, и воображение рисовало привольные степи, ямщика, спешащего сквозь ненастье к родному крову, мужественных советских солдат, сражающихся за освобождение родной Украины... С поэзии, открывшей чарующий мир образов и звуков. С занятий в драматическом кружке. В конечном счете, с увлечения театром, перед которым он с детства буквально благоговел.

Отец, Михаил Петрович, старый кадровый рабочий, сталевар, когда речь шла о младшем сыне, будущей его профессии, обычно говорил:

— Владимир по нашей линии пойдет. В меня он. Будет металлургом.

На суждено было случиться по-другому. Все оказалось гораздо серьезнее, чем он предполагал.

Режиссер... Что это, призвание? Да, скорее всего — призвание. Почему-то вдруг вспомнился дом на окраине Днепродзержинска. Он часто навещался сюда к знакомому артисту, чтобы проверить себя на «артистичность». Он вспомнил, как самозабвенно читал ему монолог Павки Корчагина: «Жизнь дается один раз, и ее надо прожить так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы». Этот монолог после он читал в училище на вступительном экзамене.

Свою жизнь коммунист Владимир Михайлович Саранчук посвятил искусству. Он хочет, чтобы эта жизнь была горнилом. Он понимает — еще не все получается, как хотелось бы. Ему нужно работать и работать. Где предел профессиональному росту? Но у него есть время. Он молод. У него, можно сказать, все впереди. Главное, есть ясная воодушевляющая цель. Горячо любимый театр и зрители, заполняющие его. И их аплодисменты, как награда...

Г. БАУНОВ.

УСТИМЕНКО

САРАНЧУК РАБОЧИЙ

Р. Ярославль